

Рассказывают такой анекдот. 30-е годы. В вагоне поезда едет старик. Один из его попутчиков листает «Огонек», читает: «Главный редактор Михаил Кольцов». Старик гордо заявляет: «Это мой сын!». Едут дальше. Кто-то смотрит «Известия», хвалит карикатуры Бориса Ефимова. «И это мой сын», — гордится старик. После чего, говорят, его чуть не побили. Михаил Ефимович Кольцов и Борис Ефимович Ефимов на самом деле — родные братья. Обоих природа наделила замечательным талантом, но судьба была милостива лишь к младшему брату. Он ровесник века, и слава Богу, жив и здоров. А Михаилу Кольцову в июне исполнилось бы 100. «А мог бы жизнь просвистеть скворцом, заест ореховым пирогом...» Мог бы?..

— Борис Ефимович, я вижу на вашем рабочем столе кисточки, перьевые ручки, тушь. Вы продолжаете работать?

— Продолжаю, но уже не рисую — не позволяет зрение. А мемуары диктую своему внуку. Надиктовал две книги, выходящие в Ленинграде и в Москве.

— Меня интересует в первую очередь работа Михаила Ефимо-

ва, тем, что печатал многое такое, что Сталину не нравилось. Его отношение к Кольцову было двойственным: с одной стороны, он питал к нему злость, и при его, Сталина, злопамятстве он был обречен. Дело было в 1924 году, уже после смерти Ленина. Как-то брат говорит мне: «Меня зывал Сталин». Хотя он уже тогда был Генеральным секретарем ЦК, его мало кто знал и имя его не внушало та-

жения Троцкого, не заслуживает. Можете себе представить реакцию Сталина на публикацию фотографий Троцкого! Сталин занес Кольцова в свой феноменальный компьютер. Коба придерживался восточного правила: блюдо мести должно подаваться холодным. Он ждал годами, как это было с Тухачевским, с которым расправился через 17 лет после поражения наших войск под Варшавой. Расправа с Пильняком: через 15 лет после опубликования «Повести непогашенной луны» был расстрелян как японский шпион. Кольцов был обречен с 1924 года. С другой стороны, вождем ценил его как великолепного организатора. Ему поручено было провести два международных конгресса деятелей культуры, что Кольцов блистательно осуществил. Но меня бесит, когда его пытаются изобразить, как это сделал Эренбург, каким-то приспешником, угодником Сталина. Наоборот! Если бы он был приспешник и угодник, он бы остался жив, как Эренбург. Эренбург не лез ни в политические, ни в международные дела, он писал себе и писал. Если бы таким же был и Кольцов, он бы не погиб. И после этого пытаются очернить Кольцова, тот же Эренбург!

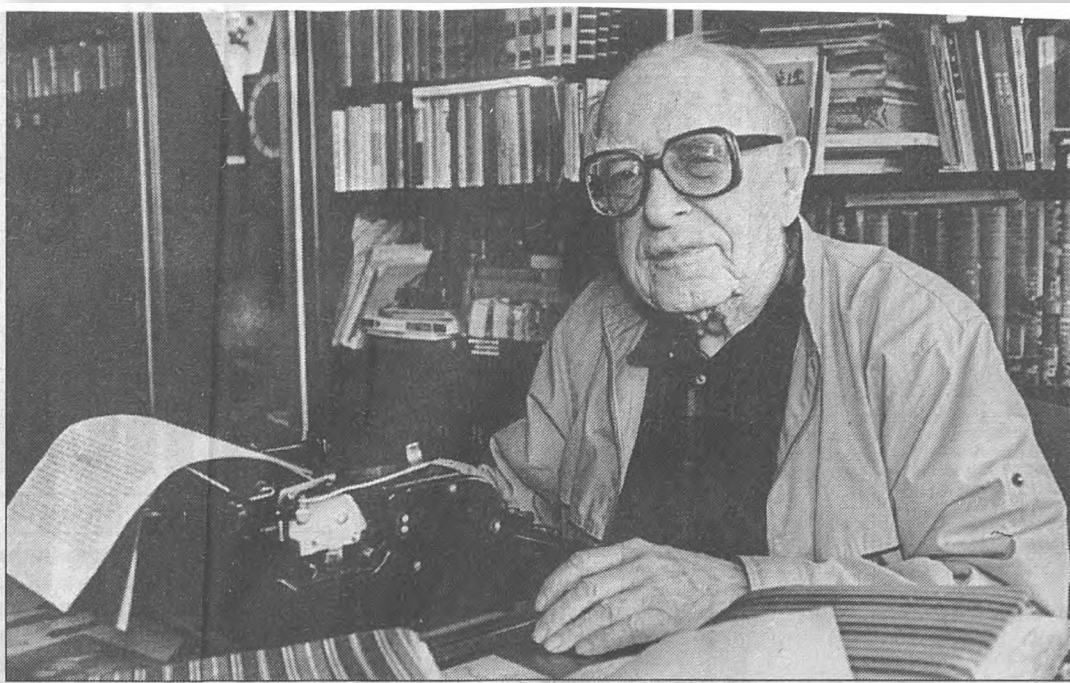

Фото Михаила КОБАЛЕВА. ВМ

Борис Ефимов. По старинке — на машинке...

Сталин ждал чтобы уничтожить Кольцова

вича Кольцова как журналиста в «Вечерней Москве». Когда это было?

— Мне кажется, сразу же, как только газета была образована, году так в 23—24-м. Брат был едва ли не главным ее редактором. Но это настолько дела минувших дней, что я боюсь быть в чем-то неточным.

— Тогда расскажите, пожалуйста, об организации Михаила Ефимовичем журнала «Огонек».

— Брат был по природе деятельным, активным человеком, все чего-то искал, выдумывал. И надумал организовать журнал наподобие дореволюционного «Огонька» — он был хорошо иллюстрирован и очень популярен. Помню, мы все сидели в комнате редакции в Козицком переулке и ждали выхода первого номера. Вдруг раздался звонок, Кольцов взял трубку и часто-часто заморгал глазами. Он делал так всегда, когда волновался: «Главлит не дает разрешения на выход первого номера «Огонька». Причем против содержания они не возражают, им не нравится название журнала — дореволюционное». Начальником Главлита был Владимир Юрьевич Мордвинкин, у которого я в 1919 году работал в Киеве секретарем. Брат меня спрашивает: «Не тот ли это Мордвинкин?».

Выяснилось — тот. Брат дает мне задание: немедленно ехать в Главлит и вырвать разрешение на выход журнала в свет. Дают мотоцикл — да-да! — и я лечу туда. Мордвинкин мне объясняет причину отказа в выходе журнала: «Огонек», оказывается, — название публичного дома некоего Проппера. Я и так, и сяк: кто, мол, помнит название этого публичного дома, журнал новый, советский. Мордвинкин возражает: ну если новый, то и название должно быть новое. «Красный журнал», например, или что-то в этом роде. Я ему возражаю: «Какое теплое, уютное слово, Владимир Юрьевич, — огонек! Говорят: заглянуть на огонек, человек с огоньком...». Короче, я его уговорил, получил главлитовский номер для выхода в свет — так появился и поныне здравствующий «Огонек».

— У Эренбурга в книге «Люди, годы, жизнь» есть такая фраза: «Я не могу понять Сталина, который не тронул Пастернака, державшегося независимо, и убил Кольцова, выполнявшего все его поручения»...

— Чужая душа — потемки. Имею в виду Эренбурга. Кольцов для него много сделал. В частности, я сам был свидетелем разговора, когда Эренбург пришел на квартиру Кольцова, страшно взволнованный, перепуганный тем, что его не выпускают обратно во Францию. Он приехал в Москву, а на выезд в Париж паспорта не дают. Обычно это была пустая формальность. Все это происходит в 1937 году, повод для беспокойства у Эренбурга, конечно, есть. Брат его всячески успокаивает, обещает выяснить и сделать все возможное, чтобы Эренбург уехал. Так оно и вышло, вернулся он только после оккупации Парижа немцами в 1940 году.

Так вот, вопреки мнению Эренбурга я считаю, что Сталин уничтожил Кольцова именно потому, что он раздражал вожда своей самостоятельностью, неугодиливостью и, наконец,

кой ужас и страх. «Приезжаю я в ЦК, — продолжает брат, — поднимаясь на пятый этаж, в Секретариат ЦК, и дверь мне почему-то открывает сам Сталин. Входим в кабинет, садимся, он мне говорит: «Вот что, товарищ Кольцов...». Память у меня (Бориса Ефимова. — В.Н.) стенографическая, я запоминаю все текстуально. «...Журнал «Огонек» — неплохой журнал, живой. Но некоторые члены ЦК замечают в нем определенный сервизм...». «Сервизизм? — спрашивает Кольцов. — В чем это выражается?». «Некоторые члены ЦК считают, — раздраженно продолжает Сталин, — что вы скоро будете печатать, по каким туалетам ходит Троцкий». Брат немного ошел, потому что Троцкий был тогда еще членом Политбюро, председателем Реввоенсовета и так далее. В общем, Троцкий был Троцкий. И такая откровенная грубость в его адрес была, на взгляд Кольцова, неуместна. Он стал оправдываться: «Огонек» — массовый журнал, и мы считали своей обязанностью давать очерки о наших, так сказать, руководителях, вождах. Опубликовали «День Калинина», дали очерк «День Рыкова» и вот теперь «День Троцкого». А недавно напечатали фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин, когда в подпольную бакинскую типографию нагрянула полиция». Сталин посмотрел на него, подозрительно прищурившись, и говорит: «Товарищ Кольцов, я передал вам мнение членов ЦК. Учтите в дальнейшей работе! Всего хорошего». Положение осложнялось тем, что буквально накануне смерти Ленина Троцкий уехал лечиться в Сухуми. И уже в пути его застала телеграмма Сталина, что на похороны он, Троцкий, не успеет. Троцкий лечится в Сухуми, а Кольцов, еще до разговора со Сталиным об угодничестве по отношению к Троцкому, посылает туда фотографа, и тот делает целую серию снимков: Троцкий на охоте, Троцкий с женой и тому подобное. И уже после того присноподобного разговора с начинающим набирать силу вождем эти снимки публикует в «Огоньке»! Я могу показать вам те фотографии. Не напечатать те фотографии брат не мог: это означало, что он струсил и ничего, кроме пре-

«Мы с братом были очень близки...»

— Я не сказал бы, Борис Ефимович, что это очернение...

— Нет, это было именно очернение. Книга Эренбурга печаталась в «Новом мире» Твардовского. Там работала моя знакомая, соседка по дому. И она мне говорит как-то: «У нас идет последняя глава книги Эренбурга, в которой сказано, что Кольцов во всем угождал Сталину». Я взбесился: облить грязью могилу человека, сделавшего ему массу добра!.. Я поехал к Твардовскому, видимо, это сыграло свою роль, и Эренбург заменил фразу «во всем угождал» на «выполнял все его поручения». А кто бы это мог не выполнить поручение Сталина? Кому это могло прийти в голову? Эренбургу? Когда отмечалось 60-летие Сталина, Эренбург высказался в том смысле, что всем своим творче-

ством он обязан Сталину. У меня сохранилась газета с этим панегириком Ильи Григорьевича. Он был, с другой стороны, очень осторожен, не лез куда не следует. А Кольцов — лез. Кто его просил стать политическим советником республиканцев в Испании? Его туда послали корреспондентом «Правды». Но он не только писал — он воевал! С пистолетом в руках штурмовал крепость Толедо. Скажите, пожалуйста, Эренбург позволил бы себе такое?

— Сохранились воспоминания современников, что Эренбург был человеком не робкого десятка, по крайней мере во время Великой Отечественной войны. Когда он выезжал на фронт, к нему приставляли специального человека, который бы следил, чтобы Эренбург не лез под пули, как он это часто делал.

— Продолжу о Кольцове. Он попал в обиду виновных в поражении республиканцев в Испании. И все-таки Сталин его не трогал. На Кольцова прислал донос Андрэ Марти. Вы читали «По ком звонит колокол» Хемингуэя? Там есть русский журналист Карков, приехавший от «Правды», — в нем легко угадывается Кольцов. В романе есть такая фраза: «Марти не любил Каркова, но тот, приехавший от «Правды» и непосредственно сносившийся со Сталиным, был тогда одной из самых значительных фигур в Испании». Это пишет Хемингуэй! Ничего подобного об Эренбурге написано не было.

— Ну хорошо, а вопрос Сталина, обращенный к Кольцову: «У вас есть пистолет? Не вздумайте застрелиться!». Как вы его прокомментируете?

— Вы не совсем точно воспроизводите. Диалог был такой:

— У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?

— Есть, товарищ Сталин.

— А вы не собираетесь из него застрелиться?

— Конечно, нет, товарищ Сталин. Даже в мыслях не имею.

Мне этот разговор в тот же вечер пересказал брат. Он всегда со мной делился. Вопросы Сталина и ответы Кольцова длились около трех часов. Это был доклад Кольцова об Испании. Присутствовали Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов. На один из вопросов Сталина Кольцов ответил не сразу, задумался, замешкался. Сталин, прохаживаясь по кабинету, остановился и спросил:

— Что это вы, товарищ Кольцов, замолчали? Что вы смотрите на товарища Ежова? Вы не бойтесь товарища Ежова! Вы рассказывайте все как есть. Кольцов отвечает:

— Товарищ Сталин, я не боюсь Николая Ивановича, я просто думал, как обстоятельнее, точнее ответить на ваш вопрос.

Сталин подозрительно посмотрел на Кольцова и сказал:

— Хорошо, отвечайте не торопясь, — и опять принялся расхаживать по кабинету.

Брат всегда рассказывал мне все со всеми подробностями. Когда вопросы-ответы кончились, Сталин неожиданно стал кривляться. Подошел к Кольцову, тот хотел встать, Сталин остановил его:

— Сидите, сидите.

Потом приложил руку к сердцу:

— Как вас величают по-испански? Мигуэль что ли?

— Мигель, товарищ Сталин.

— Так вот, дон Мигель. Ми, благодарные испанцы, благодарим вас за ваш отличный доклад. Большое спасибо вам, товарищ Мигель.

Кольцов произнес что-то вроде «Служу Советскому Союзу» и пошел к двери. И вот тут-то Сталин спросил насчет револьвера и желания Кольцова застрелиться.

На другое утро позвонил Ворошилов: «Вчера вы, Михаил... — Ворошилов забывал отчество Кольцова, — Ефимович, делали доклад. Так вот, я хочу вам сказать, что вас ценят, вас любят, вам доверяют». Это был 37-й год, до ареста оставалось целых полтора года. Сталин не торопился, он считал, что Кольцов никуда от него не уйдет. Но главное вот что: когда брат рассказал мне о встрече в Кремле и звонке Ворошилова, я говорю: «Ну, мышонок, — так я его называл, — помоему, это очень приятно». «Да, приятно, — отвечает брат. — Но ты знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах хозяина? «Слишком

прыток!». Что такое «слишком прыток»? Слишком самостоятелен, слишком инициативен. Слишком лезет не в свои дела. Он не годится». И в ночь с 12 на 13 декабря 38-го года он был арестован. За пять дней до этого в Большом театре давали правительственный спектакль. В бывшей царской ложе сидели Сталин, члены Политбюро, и Сталин, увидев в зале Кольцова, велел его позвать. А Кольцов незадолго до этого был назначен одним из двух главных редакторов «Правды», после ухода оттуда Мехлиса. Сталин начал с Кольцовым обсуждать какие-то газетные дела, очень дружелюбно, благожелательно. Вспомнил какие-то детали: золотые зубы у Сталина, до этого им не виденные, и так далее. Сталин спрашивает: «Товарищ Кольцов, а вы не могли бы сделать доклад для нашей писательской братии в связи с годовщиной выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»? Ну это был, собственно, не вопрос, а приказ. Доклад состоялся, я сам присутствовал на нем в Дубовом зале ЦДЛ. Это было вечером 12 декабря 38-го года. Мы встретились с братом в гардеробе. Я говорю: «Миша, может, поедем ко мне чай пить с пирожками?». «Чай с пирожками это хорошо, — отвечает брат, — но у меня есть дела в «Правде», я поеду туда». Уехал туда, а там его уже ждали. За каждое сказанное здесь слово я отвечаю головой.

— Ваш брат арестован. Что вы думали тогда, что чувствовали?

— Мы с братом были ближе друг другу, чем отец или мать. Он был в полной растерянности от происходящего. «Ничего не могу понять, — говорил он. — Откуда у нас столько врагов? Люди, с которыми мы годами работали, воевали, в друг оказываются врагами, шпионами... Причем как только попадают туда, сразу во всем признаются». Вот вам текстуально.

— Как все-таки вы отреагировали на арест брата?

— Мне стало плохо. Жена отпаивала меня валериановыми каплями, которых я сроду не пил. Это был шок, удар. А потом я понял, что мне надо тоже готовиться. Почему меня не взяли в ту же ночь, зная, как я связан с Кольцовым? Значит, меня арестуют в ближайшую ночь. Я стал к этому готовиться. Относился к аресту трезво, практично, понимая, что от этого никуда не уйдешь. Самое страшное в этом была необходимость сообщить об аресте брата родителям. Отец лежал в больнице, я приехал к маме и говорю: «Ты знаешь, мама, я очень беспокоюсь за Мишу. Его вызывали в одно учреждение, как бы не было неприятностей...». Я решил не говорить, что случилось, а подготовить ее к удару. Но меня не оставляла мысль, что вот-вот придут за мной. Но арестовывали, как правило, часа в два ночи. Я решил: хотя бы на день отсрочу арест, ночевать домой не приду. Всю ночь гулял по улицам, под утро позвонил жене, узнал, что все спокойно, вернулся. И так — несколько дней. Я понимал, что случайности здесь быть не может. Потом, много лет спустя, я узнал, что дело на меня было заведено, но когда Сталину доложили, он сказал: «Нз трогать!».

— Вы к тому времени достаточно много успели нарисовать?

— Пожалуй, так. Он меня знал, по отдельным карикатурам делал замечания. Видимо, ему мои карикатуры нравились, и он как хозяин — а его хозяйством была вся страна — решил, что хороший карикатурист ему пригодится. Были Куркрынскис и был я, больше он никого не знал. Меня не тронули, и вот я перед вами сижу. Он был непредсказуем — не любил делать того, что от него ждали. И делать то, чего не ждуг.

— Сталин любил такие острые ситуации с братьями: Кольцова убил, вас не тронул, Николая Ивановича Вавилова сгноил в тюрьме, Сергея Ивановича назначил президентом Академии наук. Михаил Ефимович погиб в 1940 году. Что происходило с момента ареста до дня гибели?

— Тринадцать месяцев брата пытали, мучили, потом расстреляли. 12 июня исполняется 100 лет со дня его рождения.

P.S. Сегодня в 16.00 в книжном магазине «Библио-Глобус» на Мясницкой проходит презентация книги Бориса Ефимова «Мой век».

Фото из архива Бориса ЕФИМОВА

Ворошилов, Гамарник, Кольцов. Только маршал умрет в своей постели...